

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖФАКУЛЬТАТСКИЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ ИМ. ПРОФ. Б. А. ЛАРИНА

**РУССКОЕ СЛОВО
В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
(XIV –XIX века)**

Выпуск 6

Санкт-Петербург
2012

Роспись — Роспись Государственным преступникам, приговором Верховного Уголовного Суда осуждаемым к разным казням и наказаниям // Полн. собр. законов Российской Империи. Т. I. Второе собрание: С 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. С. 761–769.

Указ — 1826 г. Июля 13. Именной, объявленный из Сената. — О государственных преступниках, осужденных к разным казням и наказаниям, — с приложением Доклада Верховного Уголовного Суда // Полн. собр. законов Российской Империи. Т. I. Второе собрание: С 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. С. 753–760.

Словари

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1880.

*САР*¹ — Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб., 1789–1794.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–19. Л./СПб., 1984–2012 (издание продолжается).

СлЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.

Примечание

¹ Под «первыми двумя пунктами» в языке уголовного законодательства XVIII в. понимались: 1) злой умысел против персоны Его Величества или измена, 2) возмущение или бунт (ПСЗ № 2877, с. 137).

И. Б. Дягилева

ЯЗЫК МОДЫ В РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ XIX ВЕКА

В XIX в. продолжает пополняться словарный состав русского языка за счет заимствований. Особенно подвижны лексические пласты, которые отражают понятия, связанные со светской жизнью общества и, прежде всего, модой.

Именно в XIX в. начался процесс демократизации моды: из сферы элитной жизни дворян, в особенности Москвы и Петербурга, мода проникла во все социальные слои русского общества. Конечно, костюм отражал сословную принадлежность, размер достатка, происхождение, возраст человека, но тем не менее «знаковая символика костюма несколько стерлась или приняла иные формы»¹, что беспокоило элиту общества: «Если кто хочет сшить себе плащ истинно отличный, барский, такой, под который не могла бы подделаться ни одна чиновница, следует сделать его широким, из черного атласа, с длинными разрезными рукавами только для вида, подбитый весь зеленою плюшью, с тремя бархатными воротниками» (БЧ, 1834, т. 7, с. 136); «Падение прически á la moujik чрезвычайно озабочивает многие головы. Нынче уже не тайна, что эта прическа вскоре делается отличительным признаком конторных франтов» (БЧ, 1839, т. 37, с. 107).

В крупнейших журналах Петербурга и Москвы открываются рубрики, посвященные моде. Одним из первых регулярно рассказывал о новинках Парижской жизни журнал «Московский телеграф» (с 1825 г.). В нем перепечатывались описания модной одежды из французских журналов на французском языке, а ниже публиковался текст перевода на русском. Постепенно раздел «Мода» появился в журналах «Сын Отечества», «Современник», «Библиотека для чтения», «Москвитянин». «Модные» предписания разделялись на мужские, женские и детские; наряды классифицировались на утренние, на «платья на прогулку и выездов к обеду», на бальные наряды. Изредка, однако, учитывались и особые ситуации, в которых могла оказаться столичная модница: «Щеголиха в деревне, отпав-

ляясь по утру удить рыбу, должна быть одета следующим образом: соломенная шляпка à la Pamela, с зеленою лентою, которая окружает тулью; перкалевые панталоны; башмаки кожаные, с серыми штиблетами; жаконатовый рендегот, с пелеринкой» (МТ, 1829, ч. 28, с. 265).

Мода прежде всего влияла на выбор ткани, из которой следовало шить тот или иной модный туалет, достаточно строго регламентировала цвет одежды: «Цвета выбираются преимущественно серый и коричневый: обшиваются же серые мантии синим бархатом, а коричневые черным» (ОЗ, 1854, № 6, с. 24).

Особое внимание уделялось модным деталям одежды: бантам, блондам², воланам, фестонам³, шу⁴ и, конечно, аксессуарам. Например, в 1826 г. в «Московском телеграфе» появилась «модная картинка», сопровождаемая следующим текстом: «На левой руке дамы белка на цепочке: ныне это модная принадлежность парижской дамы на прогулках» (МТ, 1826, № 9, с. 104).

О вошедших в моду вещах и предметах писали, что они *в большой моде, в большом употреблении, в сильном ходу, делают эффект, считаются нарядными, их ставят выше*. Или так: «В страшной моде Английские кисеи с разными белыми узорами на белом» (МТ, 1828, т. 16, с. 155); «В шляпках происходят *важные перевороты*» (БЧ, 1833, т. 12, с. 28); «Кружева вообще *в большом употреблении и уважении*» (БЧ, 1848, т. 86, с. 14).

Выражение *выйти из употребления* использовалось для вышедших из моды вещей, кроме того, всячески подчеркивалось отрицательное отношение ко всему немодному: «Металлические пуговицы считаются *верхом безвкусицы*» (Моск., 1851, № 1, кн. 1, с. 77); «Фурашки и цветные амазонки *в большом презрении*» (Совр., 1848, т. 10, с. 27).

При изучении языка моды обращает на себя внимание четкая очерченность лексико-тематических групп, направленность словообразовательных процессов.

Обозначение цвета. Динамическое развитие языка моды привело к постоянному расширению системы цветообозначения. Большое развитие получила цветовая гамма, включающая множество тонких оттенков и полутонов; французские слова и выражения заимствовались во многих европейских странах и, как следствие, часто употреблялись в русских журналах без перевода и транслитерации, приобретая интернациональный характер; большинство наименований присваивалось цветам по каким-то внешним случайным признакам, связанным часто с незначительными событиями парижской жизни⁵: «Рыжеватый оттенок сырцового цвета называется *камелопардовым*. (Камелопард или Камелеопард (la girafe), присланный Пашею Египетским в подарок Королю Французскому, составляет теперь

предмет дневных разговоров в Париже. Газеты наполнены анекдотами об этом четвероногом прищелце; ученые люди описывают его в журналах или в отдельных брошюрах — является и модный цвет в честь этой новости.» (МТ, 1827, ч. 15, с. 183).

В XVIII в. для обозначения цвета уже употреблялись сложные прилагательные с первой частью *бледно-, густо-: бледно-голубой, бледно-зеленый, густо-красный*. В XIX в. образуются прилагательные *бледно-лиловый, бледно-палевый, густо-голубой, густо-лиловый*, в образовании «цветовых» прилагательных начинают функционировать форманты *водянисто-, нежно-: водянисто-зеленый, нежно-голубой, нежно-желтый*. Богатство оттенков передается почти без ограничений сложными прилагательными: *сине-серебряный, серо-лиловый, красно-лиловый, серо-жемчужный, зелено-осиновый* и т. д. Цветовые обозначения могли быть двусловными — первое слово обозначало основной цвет, а второе уточняло оттенок: *голубой гаитский, греческий, небесный, с лоском; зеленый бутылочный, ивовый, лавровый, миртовый*. Появились и стали широко использоваться сочетания слова *цвет* с именем существительным: *цвет вороньего крыла, кротовой кожи, свежего масла, серны* и др. В XIX в. заимствованы были и однословные обозначения цвета: *бланжевый*⁶ — «цвет, похожий на телесный» (Мих.), *сольферино* — «деревня в Италии, в Мантуе, известная поражением австрийцев французами в 1859 г. Отсюда этим именем наз. ярко-красный цвет» (Чуд.) и др.

Следует отметить, что отражение обозначений цвета в словарях XIX в. носит случайный характер: слова фиксируются в одном или двух словарях (*пансе, понсо, пюсовый, серизовый*), не фиксируются (*грозелевый* 'красно-черный', от фр. *groseille* 'черная смородина'; *маисовый* 'оттенок желтого', от фр. *mais* 'кукуруза'; *экрю* 'бледно-серовато-желтый', от фр. *écru* 'некрашенный, небеленый'), фиксируются со значительным временным опозданием (*жонкилевый, мордоре*). Сложность описания прилагательных, обозначающих цвет, проявляется в различии словарных определений: *пансе* — «красновато-фиолетовый» (Мих.), «темно-фиолетовый» (Чуд.); *мордоре* — «ярко-красный цвет» (Мих.), «красновато-коричневый» (Чуд.); *Изабеллин цвет* — «серо-желтый цвет» (Мих.), *Изабеллы цвет* — «желтовато-белый или темновато-желтый» (Чуд.).

Приставочно-суффиксальные глаголы. До изобретения швейной машины в 1850 г. процесс создания костюма был особенно трудоемким, что отражено в языке в виде развитой группы приставочно-суффиксальных глагольных образований. Следует отметить, что большинство этих слов не являлись новациями XIX в. — *выметывать, выметать, выметываться; нашивать, обшивать, обделать (блондами), отворотиться, отворотить (манжет на рукав), отворачиваться*. У ряда глаголов в XIX в.

появляется новое значение: *зашивать* XVIII в. — 'соединять швом' (СлРЯ XVIII в., вып. 8, с. 140), XIX в. — 'расшивать, покрывать шитьем', например: *зашивать платье стеклярусом*.

Женская «флористика». В языке моды стало использоваться множество ботанических наименований: «Перебравши для головных уборов все сорта *цветов* и *растений* иностранных и отечественных, дамы обратились к самым простым, обыкновенным. На некоторых соломенных шляпках видите ветки *ивы*, на других *камыш*. В большой моде для шляпок *тюльпаны*: их делают из батиста, иногда из перьев; они бывают всяких цветов» (МТ, 1827, № 9, с. 54).

Большинство цветов, которыми украшали дамы бесценные (в прямом и переносном смысле) головные уборы, уже были хорошо известны — акация, боярышник, василек, виноград, гвоздика, жасмин и др., тем не менее названия цветов часто включались в словари иностранных слов: *гацинт*, *жасмин*, *анемон* (Мих.), *левкой* (Мих., Чуд.), *камелия* (Мих., Павл., Чуд.), *пион* (Павл., Чуд.), однако в словарях не отмечен *бульденейж* (от фр. *boule de neige* 'снежный ком' — растение семейства жимолостных, все цветки которого образуют шарообразное ярко-белое соцветие, имеющее вид снежного кома). В редких случаях в модных журналах встречалось описание и несуществующих цветов (*fleur de fantaisie*), названия которых не выходили за пределы мира моды: «Выдуман еще новый цветок: *касварина*, похожий на тюльпан, у которого в чашечке находится род кисти» (МТ, 1829, т. 27, с. 148).

Уменьшительно-ласкательные суффиксы. Еще одной характерной особенностью языка моды (и по сей день) является большая употребительность слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Новации XIX в. — *аграмантик*, *блондочка*, *бридочка*, *букетик*, *донышко*, *капотик* (о детской одежде)⁷. Вот образец языка модных журналов: «Напередитюники — *карманчики*, украшенные кругом перламутровыми *пуговками* и оканчивающиеся *бантиками* из гроденаплевых лент под цвет тюники» (Пант., 1853, № 7, с. 35).

Однако не во всех словах суффикс -к- имел значение уменьшительности, так как характерной особенностью языка XIX в. были параллельные образования в заимствованных словах — с суффиксом и без суффикса. Например, слова *пелерина* и *пелеринка* употреблялись одинаково, несмотря на то, что в СлЦСРЯ отмечается уменьшительность суффикса -к- у слова *пелеринка*⁸. Ср.: *большая пелеринка* — *une grand pèlerine*, а соответствующим словом с уменьшительно-ласкательным суффиксом было слово *пелериночка*.

В словарях иностранных слов обычно фиксировался вариант без суффикса, который был ближе к этимону по форме, что отражало превали-

рующий у авторов этимологический подход при создании словарей иностранных слов.

Название предметов одежды. Основной лексико-тематической группой языка моды, безусловно, являются названия предметов одежды. Следует отметить, что при заимствовании (обычно из Парижа) нового костюма, а вместе с ним и слова, происходило очень быстрое вхождение нового обозначения в языковой узус, что поддерживалось хорошим знанием французского языка в высшем обществе.

В XIX в. вошли в русский язык хорошо известные нам слова — *боа*, *гетры*, *пальто* (*пальто-сак*, *пальто-сюртук*), *пеньюар*, *смокинг*, и менее известные — *берта*, *визитка*, *канзу*, *клок*, *фишию*, *санти-де-баль* и др.

Если само слово *мантлья* как предмет гардероба известно с XVIII в., то в XIX в. возникло множество новых фасонов, что нашло свое отражение и в языке — *мантлья изабелла*, *duchesse*, *мантлья-тальяма*, *мантлья-шарф*.

Во многих словарях XIX в. зафиксировано слово *пике* в значении 'ткань с выпуклым узором'. Уже с начала века жилеты из белого пике стали обязательным предметом костюма respectableного мужчины. 28 июня 1874 г. Ф. М. Достоевский писал жене из Эмса: «Заказал белый жилет портному, которого мне указали как лучшего. Что ж, он только 3-го дня (т<о> е<сть> слишком 2 недели спустя) доставил его, несмотря на то, что я заходил каждый день. Сверх того короток, морщит и матерья подлейшая (пике)»⁹.

Постепенно название ткани перешло на сам жилет, но это значение в словарях учтено не было. Ср.: [Ять:] «Я ничего... Я ведь... не понимаю даже... Извольте, я уйду... Только вы отдайте мне сначала пять рублей, что вы брали у меня в прошлом году на *жилетку пике*»¹⁰.

Капот как женское верхнее платье известен с середины XVIII в., но с 20-х годов XIX в. в моду входит *шляпка-капот*. Для того, чтобы читатели понимали, о какой одежде идет речь (о платье или шляпке), в случае, если это не следовало из контекста, в журналах писали слово *шляпка* в скобках в качестве пояснения: «Некоторые щеголихи заказывают *капоты* (*шляпки*) из синего креп-крепе, с полями, обшитыми крупным рюшем, вполвину синего цвета *jaune-caroline*» (МТ, 1826, № 10, с. 52); «Кажется, что на утренних прогулках ныне щеголиха не может надеть другого *головного убора*, кроме *капота*» (МТ, 1826, № 9, с. 103), а с 30-х годов — через дефис (*шляпка-капот*, *капот-шляпка*). В словарях отражено одно значение слова *капот* — 'распашное женское платье, застегивающееся спереди' (Мих., Павл., Чуд.).

Сложность толкования слов, обозначающих предметы одежды, делает необходимым очень внимательное отношение к контекстам, позволяю-

щим прояснить основные характерные детали вещи, ее функции. Так, по-видимому, ошибочным следует считать определение *канзу* как «косынки или платочка из легкой ткани или кружев с длинными концами, которые перекрещивались на груди и завязывались на талии»¹¹. Здесь на помощь нам могут прийти словари иностранных слов и журналы XIX в. Ср.: *канзу* — «тюлевый лиф» (Мих.), «лиф из прозрачной материи, короткая рубашечка, надеваемая поверх платья женщинами» (Поп.); «Другая, всеобщая мода на *канзу*. Кисейная *канзу* разумеется легче корсажа всякого платья ... Почти все *канзу*, с *рукавами* и без рукавов делаются из сплошного или шитого тюля. Тюлевый рюш окружает *рукавчики*, концы рукавов, и верх *канзу*. Сзади и спереди *канзу* делается много складочек» (МТ, 1826, № 11, с. 196); «*Канзу*, из Индийской кисеи, органди, тюля, гладкие и вышитые, каждый день входят в большее употребление. *Канзу надевают на платье* с короткими рукавами или просто с юбкою из цветной кисеи, Шотландской тафты, или полосатого котпали» (МТ, 1826, № 10, с. 52).

Предложенное Р. М. Кирсановой определение соответствует другому модному элементу женского гардероба — *фишию*. Ср.: «Под корсажем платья с открытою грудью надевают часто косыночку из весьма редкого органди, обшитую узким рюшем из тюля. Эта косынка должна лежать плотно на груди. *Fichi*» (СО, 1834, т. 45, ч. 167, с. 34); «Также для очень молоденьких девиц придуманы *фишию* Rose-Chéri. Фасон их очень прост, как Ристори, а спереди концы длинные кладутся крест на крест и завязываются позади» (Совр., 1855, т. 53, с. 6).

Словарные определения *фишию* не дают полного представления о предмете: «маленькая дамская косынка», «небольшая косынка», «легкая косынка». Наиболее понятным, адекватным реалии является определение М. Попова: «дамская накидка, в виде небольшого треугольного платка» (Поп.).

Материи, ткани. Наиболее многочисленной и терминологичной лексико-семантической группой следует признать названия тканей. После изобретения в 1801 г. «жаккардовой» машины, позволявшей получать плотно с любыми переплетениями нитей и сложным орнаментом, ткани стали дешевле и разнообразнее¹². При определении различных видов тканей в словарях важными отличительными признаками считались следующие: плотность ткани (материи) — тонкая (очень тонкая, тончайшая, прозрачная), толстая; состав сырья — шелковая, шерстяная, хлопчатобумажная, с примесью льна; иногда отмечался цвет, характерный для той или иной ткани, рисунок. Часто качество определялось местом изготовления материи, что отражено было в заимствованном слове. Например, *гро* (шелк) — *гроденапль* (легкая шелковая материя) — *гроденберлин*, *гродетур* (тяжелая шелковая ткань).

Русский язык в XIX в. пополнился большим числом названий различных материй, что отражалось и в словарных материалах: *барезж*, *генгам*, *гипюр*, *гренадин*, *жаконет*, *кембрик*, *мадрас* и др., пропуски ряда наименований, возможно, были связаны с их меньшей употребительностью: *букмуслин*, *Вулканова сеть*, *котпали* и др.: «Никогда не носили столько платьев из *котпали*, вышитого шелком, сколько носят их в нынешнем году» (МТ, 1827, ч. 15, с. 128); «Жилет белый кисейный, вышитый гладью, подложен цветной тафтой. Вест кладут на белый *букмуслин*, чтоб она сидела глаже» (Совр., 1852, т. 33, с. 27); «Шелковые материи, с черными лозанжами — называются *Вулкановы сети*. Иногда для лучшего подражания сетям, углы лозанжей или четырехугольников округлены в тех местах, где они пересекают один другого. Модная эта материя названа *Вулкановою сетью* по имени любимого ныне в Париже балета» (МТ, 1826, № 10, с. 52).

Таким образом, лексический состав языка моды характеризуется изменчивостью, особой динамикой, быстрой актуализацией иноязычных понятий. Грамматическая ассимиляция происходит иногда намного позже вхождения нового слова в русский язык, что приводит к широкой грамматической (по родовой принадлежности) и фонетической вариантности. Обычно в работах по исследованию заимствований отмечается асистемность нового слова. В языке моды каждое новое слово пополняет уже сложившуюся лексико-тематическую группу слов в иерархии «род — вид»: названия одежды (шарфы — *боа*, *горжетка*, *эшарп*; накидки — *пардессю*, *ротонда*, *тальма*, *мантилья*), ткани (батист — *батист-муслин*, *батист-декос*, *батист-линон*). Язык моды характеризуется интернациональным характером заимствованной лексики, отражает общность развития между лексическими системами заимствующих данные понятия языков.

В лексикографических изданиях XIX в. достаточно последовательно отражаются лексемы, входящие в поле языка моды, однако в основном эти единицы представлены именами существительными, что приближает, в частности, словари иностранных слов XIX в. к словарям энциклопедического типа.

По причине терминологичности языка моды, большого объема текстового материала, его разнообразия, быстрой временной изменчивости требуется дальнейшее историко-лексикографическое исследование, что позволит пополнить словник словаря русского языка XIX в., уточнить определения ряда понятий, выявить новые значения заимствованных в эту эпоху слов.

Источники

БЧ — Библиотека для чтения.
Моск. — Москвитянин.

Пант. — Пантеон.
Совр. — Современник.

Словари

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1955.

Мих. — Михельсон А. Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1865.

Ольд. — Олдекоп Е. Новый карманный русско-французский и французско-русский словарь. 4-е изд. СПб., 1855.

Павл. — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Составлен по Энциклопедическому Словарю Ф. Павленкова, с соответствующими сокращениями в объяснении слов и добавлениями в их числе. 2-е изд. Ф. Павленкова. СПб., 1907.

Поп. — Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. 3-е изд., с дополнением отдельных политических, экономических и общественных терминов, вошедших в употребление в русском языке в самое последнее время. М., 1907.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. Л./СПб., 1984–2012 (издание продолжается).

СлЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. академии наук: В 4 т. СПб., 1847 (репринтное изд-е: СПб., 2001).

Чуд. — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материал для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. 3-е изд. СПб., 1910.

Примечания

¹ Пушкирева Н. Л. «Во всех ты душенька, нарядах хороша»: (Одежда русских женщин XIX — начала XX века). — http://afield.org.ua/mod3/mod82_1.phtml.

² «Кружева из шелка-сырца» (СлРЯ XVIII в., вып. 2, с. 69).

³ «Вырезки, вышивки, накладки, делаемые на женских платьях и других вещах, в виде округлых зубцов, служащие украшением» (Чуд.).

⁴ «Круглый бант из узких лент на женских нарядах» (Чуд.).

⁵ Грановская Л. М. Наименования цвета в русском языке XVIII–XIX вв. // Русская речь. № 1. С. 30–33.

⁶ В некоторых текстах XIX в. и в словаре В. И. Даля также *плицевый* (Даль, т. 1, с. 96).

⁷ В XVIII в. уже употреблялись *бантик, воротничок, галстучек, кармашек, кисточка, кушачок, ленточка, мантилька, узенький, серенький*.

⁸ «Пелерина, пелеринка — *pelerine*» (Ольд.).

⁹ Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. Л., 1976 (Литературные памятники.) С. 117.

¹⁰ Чехов А. П. Свадьба (1889) // Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 6. М., 1963. С. 327.

¹¹ Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 99.

¹² Пушкирева Н. Л. Указ. соч.

Л. А. Захарова

СЛОВАРЬ ТОМСКИХ ФАМИЛИЙ XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Фамилия — главный элемент в именовании человека. Из всех видов антропонимов наиболее слабо изучена история русских фамилий¹, поскольку именно в фамилии отражается сложнейший мир существования средневекового человека: наименования профессий, род занятий, взаимоотношения людей, место прежнего проживания, наконец, сам человек, оценка его физических и духовных качеств; в основе фамилий могут лежать сравнения людей с различными представителями флоры и фауны и т. д. Достижения в исторической антропонимии за последние годы довольно значительны: защищено большое количество диссертаций, вышли в свет объемные словари русских фамилий. Однако история русских фамилий изучена пока недостаточно хорошо по отношению ко всей территории Русского государства². Если фамилии жителей европейской части Русского государства (Москвы, Рязани, Вологды, Твери, Смоленска) исследованы достаточно полно, то антропонимы более отдаленных от центра регионов остаются пока либо вообще не изученными, либо изученными недостаточно. Одним из таких регионов является территория Западной Сибири XVII в. и более конкретно — территория острогов, находившихся в районе современных Томской и Кемеровской областей (Томский, Кетский, Нарымский, Кузнецкий остроги). Составление единого сводного словаря русских фамилий (С. И. Зинин³, О. Н. Трубачев⁴) невозможно без региональных исторических антропонимических словарей: до настоящего времени не установлен даже корпус всех русских фамилий в их современном состоянии, нет и полного русского исторического ономастического. Создание антропонимических словарей разных регионов разных эпох будет способствовать решению главной задачи исторической антропонимики — составлению полного словаря русских антропонимов на базе региональных антропонимических систем. Примерами подобных словарей яв-